

Александр Александрович Тамоников
Небратья
Серия «Донбасс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10858387
Тамоников, Александр Александрович. Небратья: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81453-4

Аннотация

В небольшом украинском городе Калачане задохнулись в дыму тридцать шесть человек, участвовавших в антивоенном митинге. Люди в масках загнали их в Дом культуры, заперли и подожгли. Среди погибших оказался брат командира группы российского спецназа капитана Антона Горденко. Капитан как раз был в отпуске, когда пришла чудовищная новость. Едва сдерживая слезы боли и ненависти, Антон поехал на Украину. Простился с братом на его могиле. Но с кладбища уйти не смог – без всяких причин российского спецназовца арестовали сотрудники СБУ. Лучше бы они этого не делали. Капитан успел послать сигнал тревоги своим боевым товарищам – старлею Роману Воронцу и лейтенанту Александру Кабанову...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Тамоников

Небратья

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения.

Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

В свете фар мелькнул дорожный знак, извещающий водителей о том, что они въехали в поселок Куртаг. Водитель подержанной белой «семерки» сбросил скорость и покосился на пассажира, сидящего рядом. Тот вальяжно развалился в кресле, но волновался, как и все. Он прерывисто сопел, постукивал пальцем по панели. Заворочался мужчина, сидящий сзади, подался вперед, вытянул шею.

Водитель, не дождавшись внятной команды, начал сдавать к обочине. До жилых кварталов оставалось метров шестьсот, прямо по курсу дорога входила в крутой поворот. Справа громоздился кустарник, слева – посадки пирамидальных тополей. О приближении цивилизации намекали лишь свалка бытовых отходов слева за обочиной да плоские крыши автомастерских.

На Ставрополье царила глухая ночь. Переливались гляncем, подмигивали звезды. На небе не было ни облачка.

– Еще пятьдесят метров, и тормози, Петр, – сипло, с сильным кавказским акцентом проговорил пассажир, устроившийся на переднем сиденье.

Он напрягся, зашевелились мясистые ноздри, глаза заблестели так, словно голодный хищник почуял добычу. Этого мужчину звали Вели Тархан. В прошлой жизни он работал следователем махачкалинской прокуратуры, где и обзавелся жировыми накоплениями, от которых в последующие годы так и не смог избавиться. Но избыток массы не давил на организм. Мужчина был ловок и проворен, голова работала, как компьютер, и никакая религиозная абракадабра не смогла бы затмить его разум.

Водитель обладал невзрачной славянской внешностью, именем Петр и погонялом Хлыст. Он послушно прибавил скорость, и машина запрыгала по обочине. Переднее колесо провалилось в ямку, «семерку» здорово трянуло.

– Проклятые москали! Ну что за дороги! – в сердцах воскликнул водитель на родной мове.

Вся остальная тирада, выданная им, не переводилась ни на какие языки, но очень точно отражала настроение Петра.

Мужчина, сидящий сзади, подтянутый, самый молодой, с крючковатым носом, заржал и поинтересовался:

– А что, Петро, мы ведь тоже с Вели москали или нет? – Кавказский акцент в его речи был не подавляющим, но тоже присутствовал.

– Вы неправильные москали, – проворчал, немного смутившись, водитель и сплюнул в открытое окно. – Да какие вы на хрен москали? Вы повстанцы, боретесь за правое дело, против тирании и кремлевской мерзости. За свою веру!

– Аллах акбар! – воскликнул Тархан. – Только ты, Петруха, не подмазывайся к нашему делу, у тебя в нем свой интерес, на который нам плевать. Ладно, заткнулись. Тормози, Петро. Артур, готовь железо.

Третий член группы, Комада Гуджи, охотно отзывающийся на погоняло Артур, начал вытаскивать из-под заднего сиденья укороченные десантные автоматы, завернутые в полиэтилен.

Белая «семерка» встала на обочине, метрах в сорока от поворота. Слева громоздились кусты, беспорядочно теснились деревья. Справа темная гуща немного разрежалась, но все равно непонятно было, что находится за изгибом дороги.

Тархан вскинул руку, включил подсветку часов. 2.48, 23 августа. До рассвета оставалось полтора часа. Он мысленно усмехнулся и подумал, что за это время можно провести не одну подобную акцию – рука набита, глаз-алмаз.

Троица насторожилась. По увечному асфальту загородной трассы плясали пятна света. В сторону Куртага ехала машина. Петро чертыхнулся на ридной мове, Тархан прошипел, чтобы он заткнул пасть. Пассажиры пригнулись, не желая маячить в окнах. Артур обнял автомат и с удовольствием разлегся на заднем сиденье.

По дороге в сторону Куртага проволокалась разбитая грузовая «Газель». Рессоры скрипели, лязгали, кузовная будка сотрясалась. Машина шла без груза, и складывалось впечатление, возможно, обманчивое, что жить на этом свете ей осталось недолго.

Пассажиры «семерки» угрюмо смотрели ей вслед. «Газель» ушла за поворот, шум затих. Мужчины облегченно вздохнули.

– Петро, остаешься в машине, – бросил Тархан. – Позвоним, когда придем на место. По сигналу сразу едешь. Ты знаешь, что надо делать. И не спать мне тут!

– Да когда же я спал? – обиделся Петро.

– Да всегда! – заявил Артур и хохотнул. – Спишь, зараза, пока жрать не захочешь.

Глухо посмеиваясь, мужчины выбрались из машины, повесили автоматы за спины и углубились в заросли. Водитель поерзал на сиденье и затих. Какое-то время из кустов доносились хруст и скрип, потом перед поворотом на Куртаг установилась тишина.

Через несколько минут две тени выскользнули из темных зарослей, залегли в высокой траве. Перед глазами мужчин была та самая дорога, идущая в поселок, но уже за поворотом. Обочина в этом месте была свободна от кустов и деревьев.

В сорока метрах от кустарника располагался стационарный пост ГИБДД – круглая будка с винтовой лестницей, ведущей к ней. Под будкой приютилась полицейская машина с выключенным двигателем и погашенными огнями.

На посту горел свет, там кто-то бухтел, звучала музыка. По обочине прохаживались два инспектора в полной форме с автоматами на плечах. Они о чем-то оживленно переговаривались, смотрели вслед уходящей «Газели» с разбитым кузовом. Видимо, ребята оставили машину – чем еще заняться в три часа ночи? – помуржили водителя, но в итоге отпустили с миром. Порывистый теплый ветерок доносил смешки, беззлобные бранные словечки. Служба была в разгаре. Ладно, хоть не спали, и то хорошо.

– Петро, за работу! – бросил в мобильник Тархан и выключил его.

Мужчины поползли по траве, волоча за собой заряженные автоматы. Они начинали возбуждаться, сдерживали нетерпение. Вот оно, состояние, не сравнимое ни с наркотическим кайфом, ни с алкогольным опьянением.

«Газель» исчезла за поворотом, устремилась к поселку, до которого было рукой подать. Инспектора закурили, дружно зевнули. Один отошел в сторонку, помочился.

– Облегчил душу, Серега? – с усмешкой осведомился товарищ.

В его речи тоже присутствовал неистребимый кавказский акцент. Пост на дороге, похоже, был интернациональный.

Через минуту инспектора насторожились. Из-за поворота приближалась еще одна машина. Она не превышала скорость, еле тащилась. Это был старенький белый «ВАЗ» седьмой модели. Из выхлопной трубы постреливал голубой дымок.

Тормозить ее не пришлось. Водитель сам сместился к обочине и встал недалеко от поста. На машине перекрестились лучи фонарей.

В салоне находился только водитель, какой-то неказистый лысоватый мужичок со славянской внешностью. Не выключая двигатель, он выбрался из машины. В руках дядька держал потрепанный атлас автомобильных дорог Северного Кавказа. Мужчина явно заблудился. Он как-то робко, почти заискивающе улыбался, щурился, пытался разглядеть человеческие лица за ослепляющим светом.

– Это самое, извиняюсь, мужики, – пробормотал он. – Я вроде не туда свернул. Тут какой-то Куртаг. Не знаю такого. Подскажите, как в Славянское проехать.

– Классная тачка, – заявил сотрудник ДПС.

– Сдадим на металл? – предложил его приятель.

– Да ладно. В этой глуши народ и не на таких развалинах ездит.

– Только не я, – возразил коллега. – Тесновата. У меня в такую тачку самооценка не поместится. Эй, приятель, а что у нас с техосмотром? Страховка, огнетушитель, все дела?..

– Мужики, да все в порядке, – пробормотал водитель, собираясь вытащить документы из поясной сумки. – Вот смотрите, все есть. Мне бы в Славянское попасть, люди добрые.

Инспектора расслабились, подошли поближе. В поясной сумке не было никаких документов. В свете фонаря блеснули ствол пистолета и желтозубый мстительный оскал. Прогремели два выстрела.

Первому инспектору пуля пробила скулу, он повалился с изувеченным лицом. Второму водитель «семерки» попал в грудь. От мгновенной смерти его спас бронежилет, но ненадолго. Инспектор рухнул навзничь, выронил автомат, закричал и тут же подавился, парализованный болью. Качество бронежилета оставляло желать лучшего.

Пауза в стрельбе была недолгой. Петро Хлыст поднял упавший фонарь, направил его на жертв и выпустил еще несколько пуль. Первый инспектор уже был мертв, дополнительная пуля в черепе роли не играла. Второму комочек свинца вскользь ударил по виску, лишил чувств. Следующая пуля разворотила переносицу.

Наслаждаться содеянным убийца не стал. Он резво и очень даже вовремя метнулся за «семерку».

На звуки выстрелов из будки выскочили еще два сотрудника дорожной полиции, ошеломленные, перепуганные. Оба, видимо, только что проснулись.

Сцену злодеяния освещала лишь луна, и полицейские не сразу разобрались, что же произошло. Ночь, одинокая машина на обочине, рядом с ней вроде кто-то лежит...

Они загремели вниз по лестнице, передергивая затворы. Первый спрыгнул и словно споткнулся, когда гавкнул автомат. Парень взмахнул руками, будто пловец брассом, и повалился. Его напарник бросился обратно в будку, перепрыгивая через ступени.

Но Артур привстал из травы, взял его на прицел и нажал на спусковой крючок. Гаишник споткнулся, не допрыгав до двери. Он схватился за перила, зашатался и вывалился из будки на землю. Тело откатилось на пару метров, дернулось несколько раз.

– Бинго, – резюмировал Артур, вставая с колен.

Боевики осторожно подошли к убитым. Со стороны дороги, посмеиваясь, приближался Петро.

– Нормально, братья, – сообщил Вели Тархан. – С задачей справились, надо уходить. Скоро менты приедут на шум.

– Смотри-ка, он еще дергается, – удивленно заметил Артур, ткнув носком башмака тело, лежащее под лестницей.

В спине у инспектора засело несколько пуль, но он еще не умер, вцепился ногтями в землю, пытался подтянуться. Кровь хлестала из горла.

– Движение – это жизнь, – заявил Артур и выстрелил бедняге в голову.

Тот дернулся и затих.

– Надо же! – Тархан злобно рассмеялся. – Прямо сказка с хорошим концом. Все умерли в один день.

– Смерть шакалам! Туда им и дорога. Ненавижу этих чертовых москалей! – проворчал Петро и пнул безжизненное тело.

– Уходим, братья! – заявил Тархан. – Собрать оружие, и в машину. Заедем в лес, а как утихнет буза, такую же зачистку проведем на восточном посту.

Боевики торопливо собирали автоматы, когда к ним тоже пришла беда. Видать, не все полицейские в этом городке халатно относились к своим обязанностям!

За кустами раздался пронзительный рев, и с проселочной дороги на шоссе выпрыгнул пропыленный «УАЗ» патрульно-постовой службы. Он был набит полицейскими.

Последовала немая сцена. Оторопевшие боевики застыли с открытыми ртами. Вот шайтан!

Водитель «УАЗа» от неожиданности тоже дал по тормозам. Включенные фары прекрасно освещали участок трассы с будкой ДПС, тела, разбросанные вдоль дороги.

Тут-то и началось светопредставление! Боевики дружно вскинули автоматы и открыли беспорядочный огонь. Матерщина ударила залпом из луженых глоток. Трудно удержать за зубами великий и могучий!

Разбилось стекло в патрульной машине, закричал раненый. Но это не помешало остальным сотрудникам полиции приступить к выполнению должностных обязанностей. Разразилась пальба из открытых окон. В ход пошли штатные автоматы, табельные пистолеты Макарова.

Взревел двигатель. «УАЗ» запрыгал по шоссе, приближаясь к будке.

– В машину! – страшным голосом взвыл Тархан, и боевики бросились к «семерке».

Патрульные чуть замешкались. Переднее колесо «УАЗа» застряло в канаве, и этих секунд людям Тархана хватило на то, чтобы загрузиться в машину. Дорога в обратную сторону оказалась перекрыта, можно было ехать только в поселок.

Полицейские перезаряжали оружие, исполняя на разные голоса нецензурные арии, водитель «УАЗа» отчаянно газовал, а «семерка» уже сорвалась с места и понеслась по дороге. «УАЗ» запоздало пристроился ей в хвост, двигатель ревел на полных оборотах, хрустели переключаемые передачи. Патрульная машина оказалась мощнее разбитого «ВАЗа» и сразу стала сокращать расстояние.

– Не возьмете, сволочи, не на тех напали! – с надрывными нотками пожарной сирены кричал Петро, с устрашающей резвостью выкручивая баранку.

Машина вписалась в крутой поворот, пронеслась через жидкую лесополосу. Впереди лежал Куртаг – довольно скученный населенный пункт, состоящий преимущественно из частных домов. Промелькнули заправка, одноэтажный неказистый магазин.

Спустя минуту машина, уходящая от погони, уже мчалась по населенному пункту. В Куртаге имелась лишь одна приличная дорога – улица Первомайская, насквозь прорезающая городок. Покрытие здесь было в принципе асфальтовое. Выбоины, конечно, встречались, но не на каждом метре.

– Петро, гони! – проорал Тархан, выбил прикладом боковое стекло. И начал грязно ругаться, когда его засыпало осколками.

Мимо машины проносились небогатые строения за простыми палисадниками, нарядные коттеджи, принадлежащие обеспеченным слоям населения. Чернели улочки, примыкающие к Первомайской.

Тархан высунулся по пояс, ударил из автомата. Машина подпрыгивала, пули летели куда угодно, но не в цель.

Водитель «УАЗа» тоже давил на газ и не отставал. Он принялся бросать машину от обочины к обочине, чтобы увернуться от выстрелов.

Активизировался Артур, сидевший за своими приятелями. Он колотил прикладом по заднему стеклу. Оно покрылось сеточкой морщин, потом осыпалось. Боевик не стал выбивать его полностью, ограничился рваной дырой.

Он открыл огонь, не жалея патронов, и в четыре секунды опустошил магазин. Потом Артур сполз с сиденья, чтобы вставить новый.

Экипаж патрульной машины тоже не молчал. Темноту прорезали частые вспышки.

С треском разлетелись зеркала заднего вида на «УАЗе». Тархан мстительно захохотал. Похоже, пули кого-то задели. Раздался вскрик. Но пострадал явно не водитель. Полицейская машина продолжала висеть на хвосте у «семерки».

– Шайтаны, сволочи, кацапы хреновы! – завел старую песню Петро и вдруг круто вывернул баранку.

– Куда?.. – встрепнулся Тархан.

– А ты ослеп, да? Не видишь, что нам дорогу перерезали?! – выплюнул Петро.

Зрение его не подвело. Прямо по курсу в конце прямой как стрела улицы зажглись фары. С примыкающей дороги выворачивала машина. Она закрыла проезд, было видно, как из нее выскакивают люди.

А Петро уже въезжал в узкий переулок, заросший бурьяном. Машины здесь, похоже, ездили редко, трава поднималась по пояс. «Семерку» безбожно трясло, мелькали горы бетонных плит, детская песочница, какие-то игрушки, разбросанные где попало. В колее мелькнула в свете фар кукла с разведенными руками и выколотыми глазами. Тут же прозвучал треск – по ней проехала машина.

Патрульный «УАЗ» сворачивал в переулок, не отставал. Преследователи тоже не экономили боеприпасы.

Последовал крепкий удар в правый бок «семерки». Петро проглядел выступ в кирпичной ограде, вмялась дверца. Машина выкатилась на параллельную дорогу, помчалась по ухабам. «Улица Тихая», – мелькнула надпись на заборе в свете фар. Дезориентированный Петро уже плохо понимал, куда едет.

В спину светили фары, трещали очереди. Боевики огрызались, не целясь. Эти парни не были шахидами, умирать в их планы не входило. Им нравилась земная жизнь со всеми ее удовольствиями и развлечениями.

Тархан орал, чтобы Петро не снижал скорость. Артур вертелся на заднем сиденье, поливал огнем преследователей. Но особого толку от этой пальбы не было. Машину подбрасывало, как на вибростенде. Вдруг она завиляла, стала носиться по всей ширине проезжей части, зацепила столб электропередачи, теперь уже другим боком.

– Эти подлюки колесо прострелили! – закричал Петро и надавил на тормоз.

Машина накренилась, встала поперек улицы в двух шагах от дорожки, усыпанной щебенкой и ведущей к дощатым воротам. Продолжать движение не было ни смысла, ни возможности.

Боевики посыпались наружу. Сквернословил Петро – его автомат зацепился ремнем за баранку. Артур помчался за капот, волоча сумку с боеприпасами. Тархан распластался на проезжей части, постреливал короткими очередями.

Полицейский «УАЗ» ушел с дороги, заехал за груды бетонных плит. Уцелевшие патрульные покидали машину, залегали за укрытиями.

И все бы ничего, но с обратной стороны объявилась еще одна машина, видимо, та самая, которая пыталась заблокировать проезд на Первомайской. Дальний свет фар озарил дорогу. В безрассудную атаку полицейские не бросались – прыгивали с машины, разбежались. Западня!

Боевики отползали к воротам. Огонь уплотнялся, и другого выхода у них не было. Артур швырнул наступательную гранату «РГД». Она взорвалась посреди дороги, но никому не навредила.

В окрестных домах уже кричали люди, плакали дети. Надрывалась собака.

Тархан подбежал к воротам, в которых имелась калитка, пнул по ней – заперто изнутри. Он выпустил очередь в то место, где должен был находиться засов, снова пнул – калитка распахнулась. Все трое, отталкивая друг друга, полезли во двор.

Навстречу, бренча цепью, бросился лохматый пес. Его будка находилась недалеко от ворот. В страхе отпрыгнул Петро. Артур стегнул очередью. Лай оборвался, собака покати-лась по земле, жалобно скуля.

Люди завертелись. Они находились в замкнутом дворе – несколько сараюшек, веранда, облепленная выюном, небольшой кирпичный дом с пристроенным гаражом и чердаком. Артур помчался за угол и встал как вкопанный. Другая сторона сада выходила на улицу Первомайскую. Там провизжала тормозами машина, кричали люди, клацали затворы.

– Обложили, суки! – взвыл Артур и побежал обратно.

Физиономия молодого боевика перекосилась от страха. В эту ночь он точно не планировал умирать! И в тюрьму ему не больно-то хотелось. Но вряд ли они туда попадут. За убийство четырех своих товарищей полицейские пристрелят их, не задумываясь, как бешеных собак!

– В дом, живо! – бросил Тархан.

Гремя оружием, топая как слоны, боевики взлетели на крыльцо. Дверь пала под сокрушительными ударами, щеколда вылетела вместе с шурупами. Трое боевиков ворвались в дом. На их радость, он оказался небольшим, всего три комнаты и крохотный предбанник с окном рядом с входной дверью.

Черноволосая женщина в длинной сорочке ахнула и метнулась в детскую спальню. Там в кроватях терли глаза и взхлеб рыдали детишки: мальчик и девочка.

– Стоять! – рявкнул Тархан.

Женщина не послушалась, схватила детей в охапку, забилась в угол. Ребятишки при-жались к матери, испуганно хлопали глазенками.

Из другой комнаты Петро вытащил за руку морщинистую старуху с серой истончен-ной кожей и седыми волосами. Женщины были очень похожи, явно родная кровь. Водитель швырнул пенсионерку в тот же угол.

– Что вы делаете? Оставьте нас в покое! – чуть не хором закричали женщины.

– Заткнулись, вашу мать! – взревел Тархан, подбежал к окну, быстро глянул в него и отпрянул. – Лежать, не шевелиться! – прорычал он, нависая над несчастными женщинами и детьми. – Встанете с места – пуля в голову! И вам, и вашему отродью!

Беззащитные обитатели дома ошалели от страха. Они и не думали сопротивляться.

Петро, взволнованно пытаясь, шатался по комнатам. Артур распластался за порогом перед крыльцом, выпустил на улицу длинную очередь. В ответ захлопали беспорядочные выстрелы – полиция сжимала кольцо.

– Тархан, окружают!

– Неужели? – проворчал главарь, в бешенстве шныряя глазами по сторонам.

В опрятной гостиной на комодѣ стояло фото в траурной рамке. Он схватил его, всмо-трелся. На снимке был запечатлен молодой мужчина в парадной полицейской форме. Он насмешливо смотрел в объектив.

– Кто это? – прорычал Тархан, суя фото под нос молодой женщине.

– Это мой муж... Адил Исаев, – спотыкаясь, пробормотала она. – Он работал в уголов-ном розыске, погиб два года назад.

– Так ты вдова мента? – выкрикнул от порога Артур. – Тогда тебя не жалко!

– Имя! – Тархан ткнул в женщину пальцем.

Та съежилась от страха, прижала к себе примолкших детишек.

– Аминат Исаева.

Ей было не больше тридцати, побледневшее лицо тряслось от страха.

– Эта?.. – бандит направил палец на пожилую женщину.

Та хотела что-то сказать, но закашлялась, побагровела.

– Азиза Руслановна, моя мама. Пожалуйста, не трогайте нас...

– Группен-секс, – заявил Петро, всовываясь в комнату, и глумливо поморщился. – Фу, страшная-то какая!..

– Да нормальная жена, – ответил от порога Артур. – Можно одну в ресторан отпускать и не бояться.

– Петро, пошел вон отсюда! – вскипел Тархан. – Держать окна, не пускать ментов! А то будет вам и секс, и море бабла!

Снаружи ударила тугая автоматная очередь. Менты, похоже, увлеклись. Пули пробили окно в маленькой прихожей, расколотили зеркало, обрушили полку с посудой. Завопили женщины, истошными голосками закричали детишки.

Боевики ругались, двигались по дому осторожно, держась подальше от окон. Тархан засел в спальне, выходящей на восточную сторону участка. Петро занял позицию у заднего окна и следил за обстановкой.

Три патруля ДПС уже окружили участок по периметру. У них явно были раненные. Не просто же так ревели сиреной приближающаяся машина «Скорой помощи».

Сотрудники полиции еще не растеряли решимости по-быстрому разделаться с бандой. Отдельные группы держали связь по рации, иногда перекликались.

Сигнал о чрезвычайном происшествии уже наверняка встряхнул местное отделение полиции. Да и так все было понятно. Вряд ли кто продолжал спокойно спать под такой грохот.

Поселок сотрясало от автоматной пальбы. Не менее десятка разозленных полицейских окружили неприметный домик на Тихой улице. Некоторые проникли на территорию с соседнего участка, рассредоточились за грядками и сараями. Двое укрылись за банькой, в которой мать семейства после потери кормильца ни разу не мылась. Несколько человек залегли за воротами, постреливали в распахнутую калитку. Территория была блокирована полностью. Все пространство простреливалось.

У лейтенанта патрульно-постовой службы что-то чесалось. Он подгонял подчиненных энергичными командами.

Забор с фронтальной стороны участка был жидковат. Пары слабеньких гранат хватило, чтобы повалить его почти полностью. Обрушились хлипкие дощатые конструкции, подгнившие опорные столбики. Осела пыль, и взорам залегших полицейских предстал дом на краю пустого двора.

Стражи порядка торжествующе загудели. Они открыли огонь по дому. Пули крушили оконные переплеты, рвали в труху наличники. Двое перебежали дорогу. С обратной стороны дома тоже велась стрельба. Боевики перестали отвечать, начали беречь боеприпасы. Подошла еще одна патрульная машина, встала на безопасном удалении.

– Тархан, что делать? – прокричал Артур, откатываясь от порога, раскрошенного пулями. – Они же штурмовать сейчас начнут!

Решение главаря банды не отличалось оригинальностью. Тархан с автоматом наперевес ворвался в спальню, где съжились в углу полумертвые от страха заложники.

Он схватил за локоть пожилую женщину, рванул ее и выкрикнул:

– А ну, пошли, старая! И заткнись, а то быстро пасть порву!

– Не трогайте ее... – пискнула Аминат и взвизгнула от боли, когда Тархан ударил ее ногой по бедру.

Он вытолкнул несчастную женщину из спальни, оттуда – в прихожую, прикрылся ею и заорал в дверной проем:

– Не стрелять! Здесь женщина! – Бандит грубо повернул пенсионерку к себе.

Женщина не была героиней. Она омертвела от страха не только за себя, но и за дочь с внуками. Морщинистое лицо было блее простыни, она пыталась что-то сказать, но ужас сжал ее горло.

– Ну что, Азиза Руслановна, или как там тебя, ты свободна. Иди отсюда! – крикнул Тархан ей в лицо.

Не успела она опомниться, что-то возразить, как он подтащил ее к порогу и вытолкнул на крыльцо.

– Шагай! – Тархан вскинул автомат, выразительно повел стволом. – Уноси ноги, пока я не передумал!

– Нет, – с трудом прохрипела женщина, упираясь ногами. – Аминат, детишки!.. Я никуда без них не пойду. Оставьте нас в покое.

– Пойдешь, сука! – Боевик сбросил женщину с крыльца и спрятался за косяк.

Она упала, но серьезных повреждений не получила, поднялась, давясь слезами. Искра решимости блеснула в женских глазах. Простучала очередь из-за косяка. В старуху словно ударила струя из брандспойта. Она упала, покатилась по двору, осталась лежать, уткнувшись носом в землю и раскинув руки.

Молодая женщина в доме, видимо, все поняла. Она жалобно, протяжно завывала и вдруг замолчала. Настала оглушительная тишина. Помалкивали бандиты и полицейские, окружившие дом. Под мертвым телом образовалась лужа крови. Она вытекала из раскрытого черепа, расползалась по земле тонкими дорожками.

– Эй, менты, еще вопросы есть? – злоратно выкрикнул из-за косяка Тархан. – Прекратить огонь, всем отойти! В доме трое заложников – Аминат Исаева и двое ее несовершеннолетних детей. Если прозвучит еще хоть один выстрел, мы продолжим убивать заложников! При первой же попытке проникнуть в дом положим всех! Через пятнадцать минут посреди этого двора должен стоять начальник вашей гребаной городской ментуры! Время пошло!

Телефонный звонок сбросил с постели начальника Куртагского РОВД майора Дубинина Виктора Владимировича. Спросонок он ничего не понял, кинулся в райотдел полуодетым.

Этот человек не отличался стратегическим талантом графа Суворова, мужеством Спартака и выдержкой снайпера Людмилы Павлюченко. Он худо-бедно справлялся с наведением порядка в мирном городке, никогда не сталкивался с подобными событиями и просто растерялся.

Дежурный по РОВД смотрел на него со страхом и докладывал дрожащим голосом последнюю информацию – благо что таковая имелась! Банда, предположительно состоящая из трех боевиков, убила четверых инспекторов на посту ДПС, завладела оружием. Убийц случайно засек патруль, боевики были вынуждены отступить в Куртаг. По мере погони ранения получили двое полицейских – их жизням, слава богу, ничто не угрожает. Поселок на ушах.

Бандиты заблокированы в доме № 48 по Тихой улице, захватили мать с двумя маленькими детьми. Попытка штурма повлекла смерть четвертой заложницы – пожилой женщины. Изуверы настроены решительно, терять им нечего. Понятно, что при любой попытке атаковать в лоб количество мертвых заложников будет расти.

Террористы требуют пред свои ясные очи лично товарища майора. Если он не появится во дворе того самого дома через одиннадцать минут...

У майора Дубинина пересохло в горле. Он не был трусом, имел свой личный моральный кодекс, но в данной обстановке растерялся. Верное решение никак не приходило ему в голову. До места, где разыгрывалась трагедия, от районного ОВД было три минуты езды.

– Я отправляюсь туда, лейтенант. – Майор, смертельно бледный, поправил наспех застегнутый мундир, поискал на голове фуражку, которой там не было.

– Разрешите подсказку, товарищ майор? – смущенно проговорил дежурный. – В поселке Трубном дислоцирована группа спецназа отряда «Стяг». У вас имеется связь с ее командиром капитаном Горденко. Думаю, вы можете привлечь его к выполнению задачи.

От волнения майор напрочь забыл об очень важных вещах! Да, конечно! Он ведь прекрасно об этом знал! Двое суток назад в поселок Трубный под Куртагом, в предгорьях Хараратского хребта, прибыла мобильная группа специального подразделения, расквартированного в Ростове. Дюжина бойцов разместилась в здании заброшенного дома культуры.

О конкретной задаче отряда руководство районной полиции толком не знало. Согласно кое-какой просочившейся информации, оно было связано с ликвидацией районного подполья и лично его главаря Хасана Мирзоева, бывшего тракториста и победителя социалистического соревнования в девяностом году.

Ходили слухи, что этот тракторист имеет связи с неким чиновником районного масштаба, личность которого нуждалась в установке. Очевидно, у федеральных органов имелись какие-то зацепки на эту тему. Что нарыла группа, было неизвестно, но, по некоторым данным, ее миссия в районе завершилась, и бойцы готовились возвращаться на базу.

Пару раз капитан Горденко общался с майором Дубининым, всегда очень спокойно, без всякого нажима. Он ни в чем не подозревал майора полиции. Неприятного осадка у того не осталось.

«А ведь эти трое террористов могут быть связаны с Мирзоевым! – осенило Дубинина. – Почему нет? Неужели капитану не интересно? И вообще, с какого перепуга полиция должна выполнять чужую работу?»

– Что у вас случилось, майор? – спросил сонный голос, вылетевший из мобильного телефона.

– Это вы, товарищ капитан? – Майор волновался.

Он чувствовал, что заискивает перед младшим по званию, но ничего не мог с этим поделать.

– Вы удивительно проникательны, товарищ майор, – со вздохом проговорил капитан спецназа Антон Горденко. – Вам хватит пяти минут, чтобы четко, ясно, с расстановкой изложить суть проблемы?

Майор вспыхнул, но заставил себя собраться. Какого черта он пресмыкается перед капитаном, словно от этого человека зависит его карьера? Дьявол, но ведь так оно и есть! Ему хватило четырех минут, чтобы детально описать создавшуюся ситуацию.

– Сочувствую, майор, – сухо отозвался Горденко. – Эти парни явились в ваш монастырь со своим уставом. Это явно не то, чего вы ожидали от грядущего дня, верно? А теперь слушайте меня внимательно и не забывайте, что многие проблемы решаются одним поднятием задницы. Надеюсь, вы хороший специалист по имитации деловой активности? Через несколько минут вы должны быть на месте. Выйдете к бандитам. Они не станут в вас стрелять, потому что сами запуганы и ищут выход из создавшегося положения. Порешайте с ними вопросы, но постарайтесь сами не стать заложником. Обложите территорию, чтобы мышь не проскочила. Решимость можете не изображать, пусть бандиты видят, что вы испуганы. Внимательно выслушайте их условия. Думаю, что вертолет и миллион долларов с вас не потребуют. Им нужно лишь вырваться в горы и уйти на дно. Они скажут, что им нужен транспорт, например микроавтобус, и гарантии беспрепятственного отъезда. Пообещайте им «Газель». Минут черед двадцать именно на ней мы и прибудем. Тяните время, ссылайтесь на субординацию и невозможность в столь ранний час связаться с начальством. Постарайтесь до нашего приезда не совершать серьезных глупостей. Возникнет реальная угроза заложникам – выпускайте бандюков к чертовой матери, но не забудьте одновременно сообщить мне. Все.

Глава 2

С майора Дубинина в этот час сошло ведро пота. Как назло, больше не на кого возложить ответственность! Первый заместитель капитан Кожевников в отпуске на Алтае. Старший лейтенант Шумейко повышает квалификацию в Адлере. Самое время, черт возьми, этим заниматься! Все приходится делать самому!

В него действительно не стреляли. Пальба прервалась четверть часа назад, перемирие не нарушалось. Ночь отступала, небо понемногу серело. Полиция и гражданские активисты из числа местного казачьего братства оцепили территорию.

На безопасном удалении толпились люди. Первый страх прошел, появилось любопытство. Многие снимали происходящее на телефоны. Раненых полицейских машины «Скорой помощи» увезли в больницу.

В окнах заблокированного здания иногда возникали лица боевиков. Негодяи держали перед собой плачущих детей, кричали, что убьют их, таскали за волосы молодую женщину.

– Товарищ майор!.. – Молодой лейтенант Санников в бессильной ярости сжимал кулаки. – Мы знаем эту семью. Адил погиб от бандитской пули два года назад. Вы слышали о нем, он был моим другом. Я знаю Аминат. Это беззащитная тихая женщина. За что им по жизни такое наказание? Что же творят эти уроды? Товарищ майор, разрешите пробраться в дом и уничтожить этих тварей?

– Отставить, Санников! – Майор Дубинин яростно кусал губы. – Никакой самодеятельности! Мы не имеем права рисковать жизнями невинных людей.

Заместитель начальника уголовного розыска Адил Исаев погиб два года назад. Дубинин в район приехал позже.

Информация о деле была поверхностной. Исаев вышел на след криминальной группы, имевшей связи с ваххабитами и переправлявшей опий в Ростов. Преступники дважды покушались на его жизнь.

Первый раз они попытались забраться в дом – напали ночью, взломав дверь. Исаев с супругой спали. Их дети в это время гостили у его матери в Отрадном. История была темная, но громкая – с выстрелами. Замысел бандитов потерпел фиаско. Исаеву и Аминат удалось уйти.

Сам он помалкивал, но ходили слухи, что супруги воспользовались тайным подземным лазом. Наличие такого – вовсе не излишество для семьи полицейского, работа которого связана с постоянным риском.

А вот второй раз бандиты не оплошали. Они расстреляли Исаева в собственной машине, когда он подъехал к зданию райотдела.

И какой реальный прок людям Дубинина с этого мифического подземного хода? Где его искать? Копаться в саду, в сараюшках, торчащих на задворках участка? А террористы будут на это смотреть и смеяться? О наличии или отсутствии тайного хода навеняка знала Аминат, но поговорить с ней в данную минуту было несколько проблематично.

– Эй, начальник, ты здесь?! – выкрикнул из дома Тархан. – Скромничаешь или ждешь, пока мы ментовскую сучку подстрелим?

– Говори! – объявил тот в рупор, стоя за углом в ближайшем переулке. – Это майор Дубинин, начальник РОВД. Чего хочешь? Кто ты такой?

– Так я тебе и сказал, – заявил Тархан и рассмеялся. – Ладно, начальник, не хочешь показать свое личико – шут с тобой. У тебя двадцать минут. Чтобы по их истечении рядом с домом задницей к крыльцу стояла машина с включенным двигателем и полным баком бензина. И ни души в округе, уяснил? Мы садимся в машину, едем в горы и как только понимаем, что ты честный и порядочный человек, – отпускаем заложников. Они и сами доберутся

до поселка. Происходит обратное – и к Аллаху отправляются все трое, а тебя выгоняют из ментуры и отдают под суд. Понятен расклад? Так что давай не будем трепаться, заговаривать зубы, тянуть время, торговаться. Нет машины через двадцать минут – и первый заложник отправляется к праотцам! Время пошло! Ты точно понял? Может, прямо сейчас кого-нибудь расстрелять?

– Парень, успокойся. Будет тебе машина! – выкрикнул Дубинин.

Принимать дальнейшие решения ему, к счастью, не пришлось. На «Газели» с зашторенными окнами прибыла группа спецподразделения «Стяг».

Отъехала боковая дверь. Из микроавтобуса выбрались двое осанистых мужчин в серо-бурых комбинезонах. Оба с явно офицерской выправкой.

Из кабины прыгнул еще один – высокий, жилистый, с вытянутым аристократическим лицом и короткой прической ежиком. Он исподлобья обозрел окрестности – скопившиеся кареты «Скорой помощи», толпу зевак и приободрившихся полицейских.

Рядовой состав до особого распоряжения остался в машине. Бойцы сидели на местах, кто-то позевывал, кто-то украдкой манипулировал клавишами телефона.

Офицеры закурили. Федеральный закон о борьбе с этим страшным социальным злом в группе спецназа как-то не прижился.

– Вот суки! – заявил не выспавшийся заместитель командира группы старший лейтенант Роман Воронеж, черноволосый тридцатилетний парень, и сплюнул себе под ноги. – Откуда взялись эти твари в такую рань? Взбесили с самого утра. На такое способна только любимая жена!

– Ты вроде разведен, – лениво проговорил тридцатитрехлетний лейтенант Кабанов, светловолосый, невозмутимый, с простоватой физиономией.

– Вот я и говорю! – заявил Воронеж. – Взбесили. Только мы начали по-настоящему отдыхать...

– Нормально. – Кабанов ухмыльнулся. – Расслабились уже. Что, товарищ капитан, восстановим силы после отдыха? – Он повернулся к командиру группы капитану Антону Горденко.

Тот с хмурым видом раздумывал, чего-то ждал.

– Еще один пессимист, блин!..

– Я не пессимист, Рома, – хмуро проворчал капитан, впиваясь пронзительным взглядом в Воронца. – Я злой, голодный и невыспавшийся оптимист.

– А на меня-то что смотришь, Антон? – смутился заместитель. – Я недостаточно крут и загадочен?

Первым делом Горденко связался по телефону с полковником Калашниковым Владимиром Николаевичем, командиром отряда, находившимся в Ростове.

Полковник уже проснулся, внимательно выслушал доклад и спросил:

– Все так плохо, капитан?

– Боюсь, что да, товарищ полковник. Уже были потери. Если не выполнить их требования, они опять начнут убивать заложников.

– Так работай, Антон Юрьевич. Кто не дает? – Полковник вздохнул. – У тебя имеются все полномочия на привлечение местной полиции. Ты же знаешь, как надо работать. Кто эти боевики – люди Мирзоева?

– Будем разбираться, товарищ полковник. Я так понимаю, вы даете официальное «добро» на проведение операции?

– Даю. Действуй, Антон. Не забывай докладывать.

Подбежал майор Дубинин с мучнистым, сведенным судорогой лицом.

– Доброе утро, капитан!

– Утро-то, может быть, и доброе, но вот вы!.. – пробормотал Рома Воронец, неприязненно разглядывая главного районного правоохранителя.

– Вы здоровы, майор? – Антон протянул руку, пожал трясущуюся ладонь и не удержался от шутки: – А то лицо у вас, Виктор Владимирович, как на фотографии с паспорта. Да и углекислый газ вы вырабатываете чересчур усердно.

– Я вдвое здоровее обычного, – проворчал Дубинин. – Хорошо вам издеваться, Антон Юрьевич! Вы не живете в этом городе. А у нас такое впервые. Наш Куртаг всегда был образцом спокойствия и размеренной жизни...

– Извольте доложить обстановку! – Антон нахмурился. – Полагаю, за то время, пока мы добирались до образца вашего спокойствия, здесь кое-что произошло. И перестаньте трястись. Терпение, майор, спокойствие и выдержка. Как у снайпера, понимаете?

Майор частил, проглатывал слова. Больше всего на свете ему хотелось сейчас переложить ответственность на чужие, желательно надежные плечи. Только после этого он смог бы успокоиться.

Дом, захваченный боевиками, блокирован полностью – таракан не проскочит. Террористы нервничают. Они явно не ожидали, что столкнутся с таким мужеством местных полицейских!

– И как они живут тут без мозгов? – вполголоса прокомментировал последний перл лейтенант Кабанов и отвернулся.

– Да ладно, великой мудрости люди, – с ухмылкой возразил Воронец и тоже крутанулся на каблуках.

Майор смутился еще больше, но продолжал частить. Мол, через пятнадцать минут боевики начнут расстреливать заложников, надо срочно что-то делать!

«Например, умное лицо», – подумал Антон и сказал:

– Хорошо, майор, мне все понятно. Отводите с позиций своих людей, но только тихо, без помпы. Пусть они займутся какой-нибудь куда более важной ерундой, например отгонят посторонних от места проведения спецоперации. На позиции выйдет спецназ. Мне прямо сейчас нужен человек, знакомый с домом, с семьей Исаевых. Надеюсь, найдется такой?

На позиции, с которых отползали полицейские, выдвигались бойцы спецназа. Они прятались в канавах, за палисадниками, брали на прицел притихшее здание. Офицеры оставались в тылу, держали связь по рации.

Сержант Бахметьев докладывал, что террористы не высовываются, вокруг дома наблюдается какая-то противоестественная тишина. Впрочем, временами оттуда доносится детский плач, перемежаемый злобными выкриками.

«Сомнительно, что боевики вызовут подкрепление с гор. Возможно, они успели доложить о происшествии своему руководству, но это не значит, что последнее тут же кинется вытаскивать их из дерьма. Это обычный рядовой состав, которым можно пренебречь. Значимых фигур среди троицы нет», – подумал капитан.

К нему подбежал офицер полиции с относительно смышленным лицом, козырнул, представился лейтенантом Санниковым. Парень излагал коротко, внятно и по существу.

Первое: он участвовал в погоне за боевиками от поста ДПС и мельком видел их. Второе: лейтенант был дружен с покойным Исаевым и знаком с его семьей. Террористов трое. Двое – выходцы с Кавказа, у третьего славянская внешность. Он говорит по-украински. Санников слышал, как тот ругается.

Ничего удивительного в этом нет. Жители западных областей незалежной частенько пополняют ряды кавказских бандитов, которых официальные украинские СМИ называют повстанцами и ополченцами. Ненависть на той стороне границы бьет ключом, отморозкам без разницы, в чьей компании убивать россиян.

Сообщение о наличии подземного хода в доме слегка насторожило Антона. Куда он ведет? Видимо, на задворки участка, туда, где он стыкуется с соседним. На улицу – нет, ни в коем случае. Обрывается где-то посреди участка? Тоже сомнительно.

Лаз должен иметь выход на собственную территорию, чтобы даже соседи его не заметили, но в таком месте, откуда несложно уйти. Только сараи на задворках, где-то там.

Капитан колебался. Искать потайную дверь? Полная дурь. Пусть она и найдется, но спецназовцам не удастся прокрасться бесшумно, да и времени нет.

Боевики этой штукой не воспользуются. Они про нее не знают. А Аминат Исаева не такая уж идиотка, чтобы ставить террористов в известность.

Офицеры присоединялись к своим бойцам. Антон пролез через штакетник, затаился в кустах черешни. У него возникло неодолимое желание сорвать пунцовую перезревшую ягоду, смачно разжевать, выплюнуть косточку.

Он подал знак Воронцу, разлегшемуся за дровяником, сместиться ближе к сараю. На всякий, как говорится. Кабанову велено было перебираться туда же. Нечего тут корчить непонимающее лицо!

– Убрать спецназ, живо! – вдруг истошно взвыл террорист, находившийся в доме. Видимо, «ротация участников АТО» не осталась незамеченной. – Вы что, не поняли?! Немедленно убрать спецназ!

– И вернуть обратно полицию, – невозмутимо пробормотал один из бойцов, находившихся на передовой позиции.

– Ага, прямо сейчас, – с ухмылкой проговорил его товарищ.

Боевик продолжал надрываться, уверял, что если спецназ не уберется восвояси, то он тут же приступит к ликвидации заложников.

– Напрягаем мы их, – прокомментировал ситуацию тот же боец. – Странно, а вот нас своим присутствием они нисколько не смущают.

– Эй, братва! – закричал из черешни Антон. – Вы совсем-то с головой не ссорьтесь, договорились? Вы же не шахиды. Жизнь прекрасна, согласитесь! Даже в тюрьме! В общем, слушай расклад! Вас блокировала группа специального назначения «Стяг». Сразу предупреждаю – мы злые, потому как не выпалились. Имеется приказ – уничтожить банду, если вы начнете глупить. Убьете хоть одного заложника – проводим штурм и валим всех до одного! Что в вас ценного, чтобы оставлять в живых? Сложите оружие – сохраните жизнь. Мы люди официальные, а смертная казнь в стране, к сожалению, отменена. Да, тюрьма не сахар, но лучше, чем перспектива бесславно сдохнуть. Десять минут вам на то, чтобы пораскинуть последними мозгами и принять правильное решение. Это, кстати, очень много времени.

– Да пошел ты, начальник! – подумав, крикнул Тархан.

От внимания капитана не ускользнуло, что голос боевика как-то надломился и сделался глуше.

– А как тебе такой расклад, начальник? Мы не боимся смерти. Десять минут – это нормально! Вам как раз хватит их на то, чтобы подогнать к крыльцу «Газель» и всем уйти. Я клянусь, мы будем расстреливать заложников! А здесь такие очаровательные крошки!.. – Боевик глумливо поцокал языком. – Даже жалко, но что делать? Ты понял, начальник?

Антон ничего не ответил. Он не считал, что последнее слово определяет все, сместился от черешни ближе к сараям и оказался в «слепой» зоне. Там он привстал на колени и подал знак бойцам. Двое или трое из них демонстративно заворочались на другой стороне дороги, впрочем, из укрытий не выходили.

В доме заволновались. Похоже, все трое боевиков в данную минуту находились на фронтальной стороне здания.

Нервы капитана натянулись до предела. Что бы он ни говорил, существовала вероятность, что спецназ имеет дело с фанатиками и стрельба по заложникам не исключается.

Пальба действительно разразилась. Слава богу, не по гражданским! У террористов отказали нервы, они выпустили несколько длинных очередей через дорогу. Никто не пострадал.

Зашевелились кусты на западной стороне участка. Там образовались два бугорка, в принципе похожие на запущенные клумбы. Спецназовцы энергично перемещались, скатились с огорода, поползли по дорожкам. Риск был отчаянный, но в этот момент в западном окне никого не оказалось.

Бойцы привстали, бесшумно одолели открытое пространство, затаились под окном детской комнаты. Оставался один рывок – в дом. Несколько секунд лихорадочной возни, и дело в шляпе. За жизнь своих бойцов Антон не волновался – ребята натасканные.

Но вдруг эти твари успеют открыть огонь по заложникам? Отпускать бандитов нельзя. Нет никакой гарантии в том, что они не убьют в горах всю семью Исаевых как ненужных свидетелей.

Какая досада! Бойцы уже готовились к прыжку на подоконник, когда в доме раздалась зычная ругань главаря. Боевики забегали по комнатам. У них хватало ума не приближаться к окнам.

На лицах бойцов отразилось расстройство. Им приходилось держать паузу, не гнать коней, не лезть на рожон, убеждать врага в том, что он все делает правильно.

В доме царил атмосфера беспросветного уныния, помноженного на нервозность. Боевики прекратили транжирить боеприпасы. Артур презрительно скривился, отполз от порога, перезарядил автомат. В детской комнате заплакал ребенок.

Обозленный Тархан ворвался туда, ударил прикладом съезжившуюся женщину и закричал:

– Заткни своих щенят, сука, пока я их сам не успокоил! Еще один писк!..

Треснула кожа на скуле Аминат, брызнула кровь. Женщина заплакала, обняла чернявую девочку, которая размазывала слезы кулачками. Встрепенулся мальчишка лет пяти. Он тоже плакал, но нашел в себе решимость с вызовом посмотреть на обидчика матери.

Тархан перехватил его взгляд, злобно засмеялся.

– Мент растет! – заявил он, вскинул автомат, чтобы выстрелить, но как-то вдруг занервничал, передумал.

– Вы сволочи! – прошептала женщина, закрывая собой малыша. – Неужели у вас нет детей?

– Представь себе, лапочка, нет, – отрезал Тархан. – И у тебя их не будет, если ты сейчас же не заткнешься!

Артур снова не выдержал, полоснул от порога длинной очередью.

– Что делать, Тархан? Это в натуре спецназ. Нам нельзя убивать заложников. Они же мокрого места от нас не оставят!

– Что, Артурчик, боишься за свою ничтожную жизнь? – осведомился Тархан. – Трусом ты оказался, брат.

– На себя посмотри, – огрызнулся Артур.

– Да пошли вы все! – завопил Петро Хлыст, выскочив из комнаты, расположенной на западной стороне дома.

Его физиономия цвела пятнами, он дышал так, словно убегал от разъяренного медведя.

– Да мне по барабану ваш Аллах. Почему я должен подыхать тут? Я жить хочу, мстить москалям за мою опозоренную Украину!

– Заткнись, чмо! – прорычал ему в лицо Тархан. – Повоюешь еще за свою гребаную батькивщину! Назвался груздем, так лезь в кузов, дятел!

Бормоча что-то себе под нос, Петро побежал в горницу, припал к зашторенному окну. Тархан ворвался в комнату, которую тот покинул, стоял там, хищно раздувая ноздри, зыркал глазами. Какого черта это ничтожество, носящееся со своим Бандерой как с писаной торбой, открыло окно?

Тархан встал за шторой, осторожно выглянул на улицу. Огород был пуст, за изгородью никто не мерцал, но он кожей чувствовал угрозу, чуял чужой дух. Боевик скрипнул зубами, захлопнул ставни и замкнул их на увесистый стальной крючок. Он даже не подозревал о том, в какое уныние вогнал спецназовцев, сплюсшившихся под окном. Яростно гримасничая, он выбежал в горницу.

Там уже хозяйничал Петро. Дверь в спальню была открыта. Связанные заложники сжались в кучку.

Артур отступил от входной двери, сел на пороге горницы, не выпуская из вида крыльцо за дверным проемом. Он сжимал в кулаке последнюю гранату и с танталовыми муками избавлялся от соблазна швырнуть ее на улицу.

Крышка подпола была отброшена. Петро спустился туда, возился в узком подземном мешке, который полчаса назад боевики бегло осмотрели и не нашли в нем ничего, достойного их внимания. По подземелью шнырял луч света. Гремели ведра, баки, с хрустом переломился хлипкий деревянный ящик. Потом что-то заскрежетало, посыпались банки, алюминевая посуда.

Тархан поморщился и глянул вниз. Какого черта там творит этот укроп?!

Петро сдвинул с места и повалил обветшалый, обросший плесенью буфет. Над широким люком воспарила возбужденная физиономия украинца. Его ноздри раздувались, жилка на виске так дрожала, что чуть не прорывала кожу.

Петро проглатывал слова, заикался:

– Тархан, там какой-то лаз! Подземный ход или что-то в этом роде. Сам посмотри, если мне не веришь.

Тархан грубо оттолкнул сообщника, отобрал у него фонарь, скатился в подпол по прочной лестнице и почувствовал, как спина мгновенно взмокла от волнения. Слава Аллаху, неужели выручил?

Взору бандита предстала хлипкая дверца, сколоченная из обломков горбыля. Она держалась в закрытом виде за счет буфета, придавившего ее, и теперь чуть распахнулась. За ней виднелась черная продолговатая дыра, в которую, пригнувшись, мог протиснуться человек.

Плотно урча, Тархан сунул голову в отверстие, осветил тесную нору, укрепленную трухлявыми распорками. Земля осыпалась. Этим лазом явно давно никто не пользовался.

Он взлетел наверх, лихорадочно осмотрелся. Спецназ еще не шел на приступ. Петро таращился на него голодными глазами, дрожал от нетерпения. Насторожился приунывший Артур.

Тархан шагнул в спальню и буркнул подельникам:

– Берите мелких.

Сам он схватил за запястье ойкнувшую Аминат, поволок ее в подвал, грубо стащил по лестнице, подтолкнул к дыре, сдавил горло грязными ногтями и заявил:

– Спрашиваю только раз, дорогуша!..

Женщина с отвращением отпрянула. Запах пота, страха и гнили изо рта – сильнейшее химическое оружие!

– Живо говори, что это такое? Подземный ход? Он не засыпан, им можно воспользоваться? Куда ведет? Если совершь, задушу на месте и тебя, и твоих гаденышей!

Аминат, полумертвая от страха и боли, с трудом ворочала языком, давилась кашлем. Она сказала, что не знает, в каком состоянии сейчас лаз. Он всегда здесь был, но они с мужем использовали его только раз. Два года назад уходили от убийц.

Подземный ход выводит на северную оконечность участка. Там, на границе с территорией соседей Долгушиных, стоит сарай. В нем есть люк. Сейчас он, кажется, засыпан каким-то хламом...

Шанс убраться отсюда обретал реальные очертания. Боевики спешили, затаскивали детей в подвал, затыкали им рты, чтобы не орали.

Тархан взмахом ножа рассек пути на ногах женщины, вывернул руку у нее за спиной, схватил за волосы и заявил:

– Заорешь – прирежу. А ну вперед, радость моя лупоглазая!

В доме вдруг стало как-то тихо. Капитан вслушивался, затаив дыхание. У боевиков производственное совещание? В голове что-то блеснуло, но не задержалось, уплыло.

Антон покосился вправо. Офицеры, укрывшиеся за дровяником, выжидающе смотрели на него. Рядовые бойцы нетерпеливо подрагивали слева, ждали приказа.

Обманчивая тишина? Боевики ждут атаки, приготовились расстреливать заложников? Но дети перестали плакать, и вдова не подает голоса.

Горденко махнул рукой – вперед! Двое бойцов чуть не синхронно взлетели на подоконник, вломились в комнату. Двое других пробежали по дорожке вдоль дома, влезли в здание с противоположной стороны. Поднялись спецназовцы, залегшие за дорогой, стремительно двинулись во двор.

В голове капитана снова блеснуло озарение. Он вспомнил про ружье, висящее на стене в начале пьесы. Если столь настойчиво муссируется тема подземного хода, то в финале она обязательно выстрелит!

Бойцы по одному вбегали в дом. Он поглощал их как крокодила пасть. В комнатах раздавались возгласы «Чисто!». Террористы растворились в параллельных мирах и прихватили с собой заложников.

Капитан уже все понял. Куда, пропади он пропадом, выходит подземный ход?! К сараям, возле которых окопались его приятели-офицеры Воронец и Кабанов? Как ни крути, самое подходящее место. Кучка дряхлых построек. Сразу за ними – чахлый штакетник и выход в переулок, связывающийся Тихую с Первомайской.

Спецназовцы не успели! Провалилась отличная идея – организовать комитет по торжественной встрече и взять бандитов готовенькими.

Пока капитан с преступной медлительностью рожал идею – умнейший мозг, только использует его кретин! – бандюки вместе с заложниками уже проследовали по подземному ходу. В одной из сараюшек затрещали проржавевшие петли, которые много лет никто не смазывал.

Твари полезли на свет словно черви из земли. Первым вылупился приземистый плотный боевик. Он обливался потом. Щетина от возбуждения торчала дыбом, глаза блестели так, словно он уже перевоплотился в сатану. Бандит прижимал к себе стонущую женщину, голова которой безжизненно висела, прикрывался ею как щитом!

За ним возникли еще двое. Молодой кавказец держал под мышкой трепыхающегося мальчика лет пяти. Рот ребенка был перевязан кухонным полотенцем.

Субъект лет тридцати с неприятной и возмутительно европейской внешностью тащил маленькую девочку. Он грубо сжимал ее, передавил горло. Малышка задыхалась, сучила ножонками.

Все трое были вооружены десантными автоматами.

Последовала немая сцена, все остолбенели.

Потом из горла Тархана вырвался сатанинский рев. Он прижал к себе заложницу и полоснул из автомата с одной руки. Пули веером отправились в полет.

Все, крепись, нервная система!

Кабанов и Воронеж упали обратно в дровяник. Гора осиновых поленьев рухнула, чурки покатались по земле. Роман крепко получил по кумполу, схватился за голову. Ничего, нас бьют, а мы крепчаем! Кажется, никто не пострадал.

Боевики рычали, матерились. Теперь они конкретно заслонились заложниками и знали, что убивать их не будут.

– Парни, не стрелять! – крикнул Антон со своей дальней позиции в подтверждение этих догадок.

Бандиты пятились к ограде, поливали окрестности огнем. Молодой террорист с пылающей от страстей физиономией пяткой разбил штaketник, первым вывалился в переулок. За ним отступали остальные.

Спецназовцы вынуждены были молча это сносить и обливаться стыдом от невозможности что-то предпринять.

– Не стрелять! – орал Тархан. – Не стрелять, суки! Или мы убьем бабу и детей!

– Бахметьев, всем оставаться на местах! – бросил в рацию Антон, припадая к свежевскопанной грядке. – Террористов не трогать. Мы сами управимся.

Он оценивал ситуацию, стремительно меняющуюся. Где его хваленая интуиция и способность принимать нестандартные решения? Спецназ остается в доме, без приказа не пойдет.

Капитан лежал у ограды, за ней переулок. Метрах в тридцати дровяник и офицеры, окопавшиеся в нем. Еще дальше – сарай, граница участка, боевики, прорывающиеся на соседний надел.

Можно не сомневаться в том, что они тоже выйдут в переулок, только дальше. На улицу Тихую не сунутся. Слишком велик риск оказаться в гуще гражданских и полиции. Значит, бандюки пойдут на Первомайскую, с которой сняты полицейские кордоны?

Террористы с заложниками уже пропадали из вида, растворялись в сумрачном переулке. Они продолжали стрелять для острastки.

– Мужики, идите за ними, но не мозольте глаза, не злите их, – хрипло выкрикнул Антон.

Он скинул шлем, быстро избавился от камуфляжной куртки, стащил бронежилет, скользящий движения. Потом Горденко пяткой выломал штaketник, расширил дыру руками и выбрался в заросшее чертополохом пространство между оградями.

Концентрация максимальная, все ненужные чувства побоку. Он пополз по переулку, вжимаясь в землю.

Дьявол! Антон только сейчас сообразил, что автомат пустой, а подсумок он скинул вместе с курткой. Молодец, капитан, так держать!

Тени сквозили где-то вдалеке по рассветному пространству. Хорошо, что Горденко остановился и посмотрел назад. Боевики прорывались через противоположную ограду.

Понятно! Гады хотят уйти по соседскому участку. Единственное решение – двигаться параллельно.

Капитан так и сделал – выломал доски из ограды напротив, пролез, обжигаясь о кривые гвозди. Ветки хлестали его, как банный веник. Он бежал по дорожке мимо душевой за клеенчатой занавеской, каких-то бочек, врытых в землю.

Хлопнула входная дверь в нарядном частном домике. Хозяин в страхе вбежал внутрь и заперся. Голосисто лаяла собака. Слава богу, что на соседнем участке.

Антону никто не препятствовал. Он промчался мимо дома, растоптал какую-то клумбу, помял колючий крыжовник, вокруг которого стояла невысокая оградка.

Снова переулок. По счастью, здесь Антону не пришлось ломать забор. В нем была калитка.

Капитан отомкнул щеколду, выбежал наружу, опомнился, прижался к забору, затаил дыхание. Нужные чувства обострились, как температура при гриппе. Разум отсекал все лиш-

ние звуки, слух улавливал лишь хрипы и сдавленное мычание. Боевики бежали параллельным курсом где-то метрах в семидесяти и тоже выходили в этот переулок.

Уйдут же, черти! И стрелять в них нельзя. У бандитов заложники. Да и из чего, черт возьми, прикажете вести огонь? Из перфоратора, который Антон видел у какого-то сарая? В какую сторону подадутся негодяи?

Трещали доски непрочных оград. Противник уже был в переулке. Он приближался! Звери бежали на ловца, который по рассеянности остался без патронов.

Местечко безлюдное, все попрятались, полицейские и спецназовцы остались где-то в стороне. Переулок изгибался, и это играло на руку Горденко. Боевики его пока не видели.

Он помчался в обратную от них сторону, к выезду на Первомайскую улицу, но не добежал до нее. Проезжая часть здесь расширялась. Рядом высились кирпичная глыба подстанции и трансформаторная будка. Заборы сошли на нет, повсюду громоздился кустарник.

Рядом с будкой стоял полицейский «УАЗ» с погашенными огнями и выключенным двигателем. Из выхлопной трубы вился сизый дымок. Ничего себе сюрприз!

Капитан бросился к машине. В салоне никого, в замке зажигания торчал ключ. Это в какой же спешке убегали brave полицейские, что оставили бандитам такой роскошный подарок?!

Антон заметался. Через несколько секунд поганцы побегут мимо. Они не пройдут просто так мимо этой машины, как пить дать заглянут в нее.

Авантюрная жилка подсказала капитану решение. Он бросился к зарешеченному заднему отсеку, в просторечии именуемого обезьянником, рванул дверцу. Последовал еще один сюрприз – она открылась! Кого-то, похоже, пора увольнять из этой чертовой доблестной полиции.

Горденко скрючился в грязном отсеке, провонявшем бомжами.

«Замечательно, капитан! – успел он подумать. – Скоро ты будешь слушать траурный марш Шопена. Лежа».

В следующий миг Антон выгнал прочь неудобные мысли, сжался в пружину. Бандиты бежали, тяжело дыша, волочили заложников.

– Тархан, тут машина!

Кто-то распахнул дверцу. Закричал ребенок. Бандиты продолжали волочь заложников на себе, используя в качестве щитов.

– Тархан, тут никого. Менты ключи нам оставили! – хрипло выдохнул боевик украинской национальности.

– Быстро, братья! Сейчас мы сделаем ментов, мать их!..

Антон понял, что этот голос принадлежал главарю. В нем звучали торжествующие, практически победные нотки.

– Бабу и щенков в обезьянник, да запереть!..

Все трое бросились к задней дверце, распахнули ее. И началось! Никто не понял, что за чудище вырвалось из душной клетки. Дикий рев, перекошенная пасть. Нечто жуткое свалилось им на головы и принялось кромсать голыми руками!

Тархан и опомниться не успел, как кто-то оторвал от него женщину, в которую он вцепился, как в родную маму. Суровый удар под дых согнул бандита пополам. Белый свет завертелся перед его глазами, перехватило дыхание. Он рухнул на колени, уцепился за живот и изверг из себя все, что съел за последние часы, но не успел спустить в унитаз.

Артур получил в личико с такой силой, что треснула кость, а глаз превратился в яичницу. Он выпустил из рук ребенка, и пацаненок на короточках кинулся прочь. Гад свалился как подкошенный, закрыл ладонями физиономию и заорал с таким чувством, что включилась сирена у какой-то машины, стоявшей где-то за оградой.

Петро заверещал, как подорванный, швырнул Антону девочку, которую прижимал к себе, и пустился наутек. Капитану пришлось потерять драгоценные секунды. Детей он любил, хотя к тридцати трем годам так и не удосужился обзавестись собственными. Он поймал ребенка, опустил на землю.

Впрочем, пробежав несколько метров, Петро вспомнил, что у него есть оружие. Он развернулся в прыжке, вскинул ствол.

Стрелять Антону было не из чего. Капитан схватил за ствол автомат, оброненный Артуром. Пальнуть он никак не успевал, поэтому просто швырнул оружие в перекошенную рожу, расколол нижнюю челюсть.

С верхней Антон разбирался уже в ручном режиме. Он налетел на врага, как голодный коршун, и бил, наращивая мощь ударов. Даже когда Петро закатил глаза и свалился, Горденко не стал останавливаться, продолжал превращать рожу бандита в труху.

Потом капитан опомнился и кинулся к Тархану. Тот уже поднимался, держась за живот, и силился передернуть затвор. Капитан одним ударом сломал ему ключицу, затем и вторую – для симметрии. Бандит хрипел, ворочался в собственной рвоте.

Артуру дополнительная обработка не требовалась. Он потерял сознание, а возможно, и жизнь, если кости раскроенного черепа впились в мозг.

Земля не держала капитана. Голова у него кружилась, ему мерещились какие-то зебры, бегемоты, пони, бегущие по кругу. Кричали дети.

Он в изнеможении опустился на колени. Картинка в глазах становилась нечеткой, дряблой. Слишком много энергии вышло из него в последнюю минуту.

К нему бежали какие-то люди, в форме и без, голосили женщины, которым, как всегда, надо было больше всех. Сердобольные тетеньки подхватывали на руки детей, избавленных от статуса заложников. Кто-то помогал подняться потрясенной Аминат.

Мелькала знакомая форма его ребят. Подскочили, тяжело дыша, Воронец с Кабановым, схватили Антона под локти, чтобы минуту славы он встретил в вертикальном положении. Минутная слабость прошла. Горденко отказался от услуг товарищей, которые хлопали его по плечу.

– Фу, отлегло!.. Молодец, командир, отличное решение, – пошутил Роман. – Не для всех, согласен. Нам бы такая штука в голову не пришла.

– Для смелых и азартных, – проговорил Кабанов. – А что, мужики, в жизни надо все испытать. Ну ты и отделал их, Антон!.. Смотри, какие свежие овощи.

К ним нерешительно приблизился майор Дубинин. Он уже приосанился, его физиономия обрела природный цвет.

Спецназовцы озадаченно таращились на боевиков, избитых до полусмерти. Лупить их дальше было нерационально. И так уже придется перемещать этих гадов только в лежачем виде.

Кто-то из поселкового чиновничьего руководства уже приплясывал с телефоном у уха, требовал подать машины «Скорой помощи» в указанный квадрат.

– Офицер ранен, – пошутил Воронец и покосился на командира, который безуспешно пытался улыбнуться. – А ты реально злой сегодня, Антон. Рука горячая, все такое.

– Это как? – не понял Кабанов.

– Ну, злой, – попытался объяснить Роман. – Что тут непонятного? Как добрый, только наоборот. Наградят теперь нашего командира. Подвиг, как-никак, совершил, с голыми руками пошел на трех вооруженных бандитов.

– Это не подвиг, а хрень какая-то, – пробормотал Антон, потирая кулак, разбитый до костей.

Неожиданно сработал сотовый телефон. Антон вздрогнул, машинально извлек его из кармана.

– Ну и что у вас, капитан? – нетерпеливо спросил командир ростовского отряда полковник Калашников. – Почему не выходишь на связь?

– Виноват, товарищ полковник. – Одеревеневшие мышцы не давали Антону возможности изобразить улыбку. – Мы тут немного заняты были. Докладываю, товарищ полковник. Банда из трех человек нейтрализована, дополнительных потерь среди гражданских и военных нет, заложники освобождены.

– Нейтрализована? – уточнил Калашников. – Но не уничтожена?

– К сожалению, нет, товарищ полковник. – Антон невольно покосился на «овощную грядку». – Противник жив, но весьма неважно себя чувствует. Если вы, конечно, настаиваете на том, что банда должна быть непременно уничтожена, скажем, при попытке к бегству, то это можно устроить. Хотя лично у меня складывается мнение, что в ближайшие сорок лет ни о каких попытках...

– Отставить, Антон! – прервал его полковник. – Проведите там зачистку и можете выдвигаться в Ростов. Задержанным оказать медицинскую помощь и отправить всех за решетку. Пусть полиция разбирается. Вы уверены в том, что в банде не было других членов, только эти трое?

– У меня пока нет точной информации, товарищ полковник, – пошутил Антон. – Но я уточню в офисе.

Глава 3

Этот же день, 23 августа, в Калачане, районном центре Винницкой области, тоже выдался беспокойным. Городок был небольшой, 44 тысячи населения, уютный, опрятный, состоял преимущественно из малоэтажных строений. Только ближе к центру дома подрастали, высились девятиэтажные свечки, да по окраинам было разбросано несколько многоэтажных микрорайонов.

Райцентр утопал в зелени. Промышленных предприятий в нем было немного, в основном они располагались на окраинах. В городе имелось все, что было необходимо людям для нормальной жизни: парки, скверы, относительно пунктуальный городской транспорт, включая единственный троллейбусный маршрут, несколько поликлиник, приличная районная больница и даже современный торговый центр, вокруг которого в выходные концентрировалась городская «культурная» жизнь.

Разумеется, работал тут и военкомат, стыдливо спрятавшийся за зданием городской администрации. Впрочем, данное учреждение едва ли относилось к тем, без которых немислима эта самая нормальная жизнь.

А сегодня и подавно. Вокруг военкомата уже несколько дней разгорались страсти. Трое суток назад власти объявили очередную мобилизацию в ряды вооруженных сил, и город накрыла смута.

У сотрудников этого учреждения имелась четкая разнарядка – вынь да положь! Ладно, если дело бы шло к победному концу, но на востоке страны продолжали твориться ужасы. Бравые полководцы вновь умело послали свою армию в окружение, на этот раз под Иловайск.

Солдаты фактически гибли тысячами, а в официальных сводках число жертв сокращалось до нескольких десятков. Целые подразделения попадали в плен, и о них часто не было никакой информации.

Каждый день в войну вбухивались огромные средства, а отдачи от них не было никакой. Деньги разворовывались, оружие в войска не поступало.

Пушечное мясо шло на восток эшелонами и автомобильными колоннами. У штабников не было ни времени, ни желания обучать личный состав. Люди гибли, пропадали без вести, переходили на сторону врага, возвращались домой калеками.

22 августа мобилизованных согнали на площадь. Когда их грузили в автобусы, начался бабий бунт. Разъяренным женщинам удалось отнять и спрятать пару новобранцев. Прокуратура мгновенно завела против этих ребят уголовные дела.

Остальных увезли, но в стычке пострадали несколько милиционеров, парочка городских чиновников и лично военком майор Хусточка. Разъяренная мать семейства прокусила ему руку, которой он чересчур усердно жестикулировал.

На следующий день на площади Достоинства в центре города снова начали собираться люди. Прошел слухок, что мобилизованных солдат пока не увезли, держат до дальнейшего распоряжения на одной из пригородных ферм. Это снова всколыхнуло людей.

В два часа дня у здания администрации было многолюдно. Активисты с плакатами толпились у пустого постамента, с которого весной под улюлюканье толпы был сдернут многострадальный Ильич. Общественность спорила, кому теперь поставить памятник – национальному герою Степану Бандере или беглым крепостным, братьям Илье и Тимофею, которые и основали в 1860 году поселение Калачан.

Акция не была сумбурной. У нее имелись организаторы и вдохновители из числа местных активистов. Все они беспрекословно слушались седовласого мужчину с нахмуренным лицом. Звали его Виктор Юрьевич. Он явно пользовался уважением горожан.

Люди с плакатами стояли вокруг постаментов. Их было человек пятнадцать. Здесь же толпились любопытные и сочувствующие. Подходили другие жители Калачана и вовлекались в беседу, которая подчас протекала весьма бурно. После чего кто-то оставался, кто-то уходил, безнадежно маша рукой.

Здесь были мужчины и женщины, молодые и не очень, одетые добротно и по-простому, даже родители с детьми. Пестрели надписи на плакатах: «Хусточку геть!», «Нет войне!», «Нет мобилизации!», «Не забирайте папу!», «На мясо сына не отдам, не для того рожала!».

Сначала люди стояли молча. Но толпа росла, начинала роптать. Горожане подходили все ближе к зданию администрации.

Напрягся жидкий милицкий кордон. На лицах молодых парней в синих рубашках с короткими рукавами отражалось беспокойство.

В окне второго этажа за шторой возник мужчина солидной комплекции – глава администрации Горбун Василий Петрович. Он с беспокойством глянул вниз и задернул штору.

Событие не осталось незамеченным. В толпе кто-то залихватски свистнул.

Позднее на крыльце возник еще один субъект – короткий, какой-то плюгавый. Это был помощник городского главы Юрдаш Кирилл Олегович. Похоже, он хотел было выйти к митингующим, но передумал и юркнул обратно.

Толпа приблизилась к ступеням здания. Люди стояли напряженные, чего-то ждали.

На крыльце «под сенью дружеских штыков» возник нахмуренный, респектабельный на вид начальник милиции майор Веселко. Из-за его плеча выглядывал заместитель военкома капитан Рябышев. Сам майор Хусточка, вчера получивший боевое ранение, проявил благоразумие и предпочел вторично не рисковать.

Снова начались смута и брожение.

Люди волновались, кричали:

– Верните наших мужчин! Оставьте их в покое!

– Не хотим отпускать своих мужей и сыновей на войну!

– Вы люди или нет?

Обстановка накалялась, в воздухе уже пахло жареным.

Помощник военкома выкрикивал общие фразы:

– Люди, расходитесь! Будьте же патриотами! С вашими мужчинами ничего не случится. Не сегодня завтра антитеррористическая операция завершится, и все вернутся домой! Скоро враг будет разбит. Ваши мужчины не успеют даже доехать до фронта! – Капитан Рябышев сам краснел, смущался, прекрасно понимал, что порет чушь. – Граждане, как вам не стыдно? – взывал он. – Вся страна в едином порыве борется против внешнего врага, защищает свою свободу и территориальную целостность. Наши солдаты и офицеры ежедневно демонстрируют образцы героизма и мужества. Нет никаких отступлений, поражений и котлов. Все это – вражеская пропаганда! Мы просто выравниваем линию фронта!

– Чтобы красивее была, – прокомментировал кто-то.

– Мы блестяще отступаем на заранее подготовленные позиции, а террористы с позором бегут за нами! – заявил другой.

– Да что вы творите, изверги! – надрывалась какая-то женщина. – Вам плевать на наших детей, вы просто тупо бросаете их в пекло, лишь бы сберечь свои погоны и оклады! Остановите преступную войну! Против кого вы воюете? На Донбассе живут такие же люди!

– Потешные войска, такой же президент! – кричала толпа.

– Немедленно остановите бойню, верните наших ребят! – вещал в мегафон седовласый мужчина по имени Виктор Юрьевич.

– А то дождетесь, что у вашего гаранта скоро гарантийный срок кончится! – вторила ему острая на язык черноволосая женщина, держащая его за локоть.

Толпа засмеялась.

Люди продолжали напирать. Несколько человек уже поднимались по ступеням городской администрации.

– Совести у вас нет, ироды! – выкрикивала пожилая женщина. – Двух сыновей забрали. Один пропал без вести, второго без ног из Краматорска привезли! По вашим документам он даже не участник этой проклятой антитеррористической операции! По бумагам выходит, что он не был в Краматорске! Ваш Хусточка называет меня провокаторшей и матерью дезертира, потому что труп моего старшенького искать не хотят!

– Хусточка, иди сам на войну! – кричали жители. – Туда тебе и дорога!

– А мой сын где? – кричала, заламывая руки, бледная костлявая женщина. – Он офицер! Его последний раз в Славянске видели, он прикрывал отход своих солдат! Где он? Почему никто не сообщает, что случилось с моим Олеженькой?

– Люди, расходитесь! – прорычал начальник милиции Веселко. – Не доводите до греха! Вы совершаете преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Украины!

Толпа возмущенно кричала, что от преступника и слышит, но дальше крыльца не пошла. У горожан все-таки сработали тормоза.

Милиционеры, стоявшие в оцеплении, слегка расслабились.

На другом конце площади из переулка выехала новая, но неброская серая иномарка. Она остановилась под развесистым дубом недалеко от районного дома культуры. Опустилось стекло.

В салоне находился единственный пассажир, он же водитель. Мужчине было сорок с небольшим. Сухой, загорелый, с крючковатым носом, увенчанным какой-то смазанной родинкой. На его лице не читалось ни одной эмоции.

Он закурил и пару минут равнодушно смотрел, как у администрации набирает обороты митинг. Потом открыл смартфон, что-то в нем записал. Посмотрел на часы, развернул машину и укатил обратно в переулок. В его сторону никто не посмотрел.

Накал страстей начинал спадать. Горожане продолжали возмущаться, активисты что-то выкрикивали, задирали над головами плакаты, призывающие власть прекратить бессмысленную бойню. Но часть людей уже покидала площадь. Разбредались уставшие пожилые женщины и мужчины, уходили зеваки.

Оставались самые стойкие и молодые. Они отступили к постаменту, стали заново разворачивать свои плакаты, крепили их скотчем к гранитному кубу. Их было не больше полусотни – в основном молодежь, несколько женщин в годах, мужчина в камуфляже и на костылях.

Никуда не делся организатор митинга Виктор Юрьевич. Рядом с ним держалась черноволосая женщина, с которой его, судя по выразительным взглядам, связывала не только общественная антивоенная деятельность.

В этот момент и начались кошмары. На площадь Достоинства со стороны Красносельского переулка стали выходить люди. В основном накачанные парни, но были и девушки. В черных масках, полностью закрывающих лица, в спортивных штанах и футболках, с цепями и бейсбольными битами. Их было довольно много, не меньше тридцати душ.

Они осмотрелись, потом толпой двинулись через площадь к постаменту, падая с которого, вождь мирового пролетариата разбил свой чугунный лоб. Молодняк шагал демонстративно медленно, держался кучей, приближался неумолимо, зловеще.

Люди у постамента притихли, стали испуганно на них поглядывать. Кто-то попятился, побежал с площади. Охнула девушка, тоже пустилась прочь. За ней двинулись еще несколько митингующих.

Остальные не покидали свои посты, угрюмо взирали на молодчиков. Видимо, горожане решили, что те просто пугают.

Когда дистанция между группами сократилась до тридцати метров, пришельцы и в самом деле остановились. Все как один накачанные в спортзалах, у многих татуировки с праворадикальными символами. Из-под масок на митингующих презрительно смотрели колющие глаза.

– Кажись, плохи наши дела, – пробормотал мужчина на костылях и как-то съежился.

– Пусть мимо идут, – заявил русоволосый юноша и бледно улыбнулся. – Это не наши дела.

– Эй, ребята, вы чего задумали? – покосившись на цепочку милиционеров, спросил Виктор Юрьевич.

– Шпана какая-то, – сказала его спутница и высокомерно усмехнулась. – Попугать нас решили.

Действительно, кто, пребывающий в своем уме, будет избивать безоружных людей на виду у десятка милиционеров? Но представители правоохранительных органов вдруг как-то засмутились, стали неловко переминаться, смотрели куда угодно, только не на то, что происходило рядом с ними. Двое стражей порядка шмыгнули в здание, остальные мялись и чувствовали себя не в своей тарелке.

Молодчики не отвечали на выкрики из толпы, продолжали пожирать глазами оробевших людей, изрядная часть которых принадлежала к слабой половине человечества. Они понимали, что их психическая атака удалась.

Вдруг какой-то человек в маске гортанно выкрикнул:

– Слава Украине!

– Героям слава! – нестройным хором взревели его приятели.

– Слава нации! – каркнул тип в маске.

– Смерть врагам! – прогорланили молодчики и бросились на митингующих, размахивая цепями и дубинками.

При этом основной костяк нападавших рванулся в лоб, а несколько человек устремились во фланги с коварной целью замкнуть кольцо. Люди не сразу среагировали, впали в ступор. Когда они опомнились, на них уже налетели с трех сторон, и началось беспощадное избиение!

Истошно орали женщины, ругались мужчины. Вертелись в воздухе дубинки, мельтешили цепи. Люди вопили от боли. Первая кровь не просто пролилась, а брызнула фонтаном из раскроенной головы.

– Что вы делаете, гады?! – прокричал русоволосый юноша, закрывая голову руками. – По какому праву?!

– На правах рекламы! – заявил в ответ мускулистый громила, отпуская мощный удар.

Бейсбольная бита впечаталась в левую почку паренька. Он задохнулся от боли, повалился на бок, схватился за пострадавшую часть тела. Второй удар пришелся по бедру. Парень едва не лишился сознания от лютой боли.

Пятился с испуганным лицом инвалид на костылях. Разбитная девица в маске испустила индейский вопль, ударом ноги выбила костыль, картинно крутанулась на 180 градусов и выбросила пятку. Инвалид отлетел на несколько метров, ударился головой об землю, но сознание не потерял, на корточках пополз прочь.

Избиение продолжалось. Людей колотили азартно, смачно, не щадя кулаков и бейсбольных бит. Кровь текла из разбитых челюстей. Молодчики таскали за волосы женщин, смеялись, получали от этого колоссальное удовольствие.

– Милиция! – с надрывом кричала женщина, под глазом у которой расплывался здоровый фонарь. – Что же вы смотрите?! Милиция!

Сотрудники упомянутого ведомства предпочитали поглядывать в другую сторону. Большинство из них было равнодушно, у некоторых щеки алели от стыда.

Здоровый отморозок с оттопыренными ушами пнул по животу беременную женщину. Она повалилась на бок, закрыла руками живот. Задралось платье, обнажились голубые трусики. Молодчики загоготали. Какой шарман! Две девушки, закрываясь от ударов, бросились ее поднимать.

Внезапно в избиваемой толпе возник очаг активного сопротивления. Несколько молодых парней в залитых кровью рубашках ухитрились выстроиться цепью, закрыть собой женщин.

Среди них оказался Виктор Юрьевич. Одежда на нем была порвана, висела ключьями, из разбитой губы сочилась кровь.

Молодые люди отбивались яростно, но весьма неумело. Этим они только дразнили нападающих.

Виктор Юрьевич энергично работал кулаками, пропускал удары, но и сам несколько раз достал противника. Тип в маске отшатнулся, повалился на товарища.

Подбежала черноволосая женщина, спутница седовласого мужчины, несколько раз ударила его ногой и выкрикнула:

– Витя, отступаем! – выкрикнула она. – Убьют же! У них приказ всех прикончить!

Возможно, она немного преувеличивала, хотя как знать? Милиция продолжала соблюдать позорный «нейтралитет». Молодые активисты отчаянно отбивались, старались сдерживать натиск, но быстро теряли силы, пятились.

Вскричал от жгучей боли кучерявый паренек с разбитым лицом. Цепь прилетела ему в плечо, рука повисла парализованной плетью.

– Граждане, уходите, если можете! – прохрипел Виктор Юрьевич, из последних сил работая кулаками.

Митингующих зажали с трех сторон. Отходить можно было лишь в одном направлении – к деревянному зданию районного Дома культуры, в котором трижды в неделю показывали кино, а по субботам работала дискотека. С остальных трех сторон наседали молодчики.

Времени на то, чтобы раскинуть мозгами, у людей не оставалось. Негодяям в масках ничто не мешало полностью замкнуть кольцо, но они почему-то этого не делали. Люди отступали, падали. К ним подбегали нетопыри с закрытыми лицами, били ногами.

Возможности сопротивляться уже не было. Разрозненная толпа кинулась к Дому культуры, двери которого были гостеприимно распахнуты. Люди вбегали внутрь. Те, кто мог сопротивляться, прикрывали отход товарищей.

Молодчики радостно смеялись. У них все шло по плану! На площади остались несколько человек, они корчились от боли, пытались приподняться – беременная женщина, светловолосый юноша, калека, потерявший костыли. Погромщики хватали их за шиворот, за волосы, под радостное улюлюканье волокли к дверям «очага культуры».

Ошарашенные, избитые люди вбегали в полутемный холл. Почти все они были простыми жителями, пришедшими на площадь, чтобы выразить свое отношение к войне.

Люди слишком поздно поняли, что оказались в ловушке. Все двери, ведущие в те или иные помещения, почему-то оказались закрыты, под окнами ржали разгоряченные нацисты. Лестницу наверх заблокировали стальные жалюзи.

Открытой оставалась лишь дверь в танцевальный зал, куда и стали забегать люди. Им не давали времени обдумать ситуацию. Все шло по замыслу таинственного режиссера.

Атакующие со свистом и гоготом вбегали в холл, били и пинали тех, кто зазевался. Ярость и кураж от ощущения безнаказанности уже зашкаливали. Громилы стаскивали маски – кого стесняться-то?

Двое набросились на беременную женщину, которая снова осталась одна. Она с трудом ковыляла, силы покинули ее. Бедняжка упала на колени, уперлась руками в пол, видимо, хотела встать, но уже не могла. Громилы подхватили ее и швырнули в толпу.

Какая-то девушка бросилась ей на помощь, но споткнулась и растянулась на полу. С диким ревом на нее набросился претендент на молодое нежное тело, но девчонка оказалась проворной. Она выставила ногу, насильник налетел на нее, откатился, схватился за промежность, выпучил глаза.

– Получил, скотина? – вскричала девушка, вскочив на ноги.

Но она не оценила резвости пострадавшего негодяя. Он обезумел от ярости, метнулся к ней, схватил за ногу. Девчонка упала, ударилась позвоночником.

А громила уже был тут как тут. У него напрочь пропало желание заниматься «любовью», он кипел от бешенства. Не дожидаясь, пока девушка придет в себя, ублюдок начал бить ее ногами по голове. Она кричала, пыталась закрыться, но он сломал ей запястье, вошел в раж и продолжал бить по виску, по лицу.

Несчастная захлебнулась криком, кровь полилась из изувеченного рта. Она несколько раз что-то крикнула, потом закашлялась, глаза ее закатились. Но садист уже не мог остановиться, продолжал пинать ее по голове. Лицо девушки превратилось в кровавое месиво. Она еще подрагивала, скребла ногтями по полу, но вскоре затихла.

– Дмитро, все, угомонись. Рассудительнее надо быть, боец, – ядовито посмеиваясь, проговорил громила с командирскими манерами и стащил с себя маску.

Это был рослый крепыш с широким лицом, украшенным шрамом на скуле. Он смотрел близко посаженными глазами, усмехался.

– Дмитро, уймись, кому сказано! Ты же мертвую пинаешь!

Убийца опомнился, сообразил, что его жертва не подавала признаков жизни. Он нагнулся, поднял бейсбольную битку.

– Тарас, мы их загнали! – возбужденно завопил кто-то в другом конца холла.

– И что? – Старший развел руками. – Вы дети малые, не знаете, что делать дальше?

Всю толпу митингующих, включая избитых до полубоморочного состояния, негодяи загнали в танцевальный зал. Дальше они не пошли, снаружи замкнули тяжелую дверь на стальную щеколду. Западня захлопнулась.

Люди в изнеможении падали на пол, мужчины ругались, женщины плакали. В зал набилось около сорока человек.

Спутница Виктора Юрьевича, тяжело дыша, опустилась на пол, держалась за отбитый бок. Внезапно ее вырвало. Седой мужчина бросился к подруге, обнял ее.

Люди помоложе ковыляли по залу, бились в закрытые двери. Здесь не было никакой мебели, ничего тяжелого, чем можно было бы их выбить. Кто-то особо упорный колотился в дверь плечом, но без всякого толку. Единственное окно закрывала решетка. В зале имелась лишь возвышенность для сцены и что-то вроде стойки бара с несколькими навесными шкафами.

– Виктор Юрьевич, мы в ловушке! – крикнул долговязый парень. – Загнали нас. Это люди Тараса Кондратюка, местные фашисты, отмороженные по самые уши. Что они собираются делать?

Люди в панике закричали, стали метаться по залу.

– Товарищи, спокойствие! – прокричал Виктор Юрьевич. – Нам не сделают ничего плохого. Они побоятся, кишка у них тонка. Эти твари только и умеют избивать женщин и инвалидов! Я знаю Кондратюка – это последняя сука, но он дружит с сотрудниками СБУ и чиновниками из администрации. Им неприятности ни к чему. Попугают и выпустят. Скоро милиция подтянется.

– Милиция? – сказала какая-то женщина и истошно захохотала. – Да эти трусы даже не вмешались, когда нас били!

– Все в порядке, товарищи! – продолжал взывать Виктор Юрьевич. – Сейчас я позвоню, люди придут к нам на помощь. Вы тоже звоните, ставьте всех в известность, что нас заперли в Доме культуры.

Мысль была дельная, но она пришла слишком поздно. Внезапно люди насторожились. Потянуло чем-то горелым. Все застыли, парализованные от страха. И было с чего.

Рядом с крыльцом остановился микроавтобус, люди в масках вытаскивали из него канистры с бензином, волокли внутрь. Они обливали холл, стены, а потом крыльцо и фундамент здания. Эти убийцы действовали слаженно, проворно. На всю операцию у них ушли считанные минуты. Вспыхнула спичка.

Никто не останавливал распоясавшихся нелюдей в масках. Милиция попряталась, у здания администрации никого не было. Только шторы на окнах иногда подрагивали и подозрительно отгибались. Площадь вымерла. Лишь в примыкающих переулках иногда появлялись люди, но сразу пропадали.

– Они подожгли нас! – истошно заголосила женщина средних лет, мать погибшего бойца ВСУ, у которой вчера на фронт забрали мужа. – Виктор, не может быть, мы горим!

Паника снова билась в головах. Люди бросались к дверям, колотились в них. Кто-то тряс решетку на окне, вызывая дикий хохот громил, столпившихся снаружи. Струйки дыма уже просачивались под дверь, расплзались по полу, поднимались к потолку.

Люди начинали задыхаться, кашляли. Снаружи доносился треск. Пламя разгоралось, облизывало стены. Их действительно подожгли!

Сил кричать ни у кого уже не было. Дым поднимался, вытеснял кислород. Смертники, загнанные в западню, надрывно кашляли, их движения замедлялись.

– Витя, это все, – пробормотала спутница Виктора Юрьевича, поднимая на него тоскливый взор. – Нас решили сжечь, чтобы другим неповадно было бунтовать. Знаешь, дорогой, я нисколько не удивляюсь. Витя, сядь со мной рядом. Давай простимся.

– Подожди, Оленька, еще не все потеряно, – прохрипел Виктор Юрьевич, судорожно отыскивая нужный номер в сотовом телефоне.

Но дым сгущался. Мужчина начал кашлять непрекращающимися очередями, чуть не вывернувшись наизнанку, выронил телефон, нагнулся, чтобы поднять. Голова у него закружилась.

В густом дыму еще блуждали какие-то силуэты. Стонала женщина, кто-то полз на коленях к окну, чтобы разбить стекло. Он вышиб его кулаком и отшатнулся, когда снаружи в танцзал ворвалось новое облако дыма. Движения людей становились заторможенными, судорожными. В пространстве, наполненном дымом, кончился кислород.

Снаружи возле Дома культуры уже никого не осталось. Убийцы разбежались.

Пламя охватило наружные стены, жадно вылизывало горючие материалы облицовки, приближалось к крыше. Над Домом культуры зависло ядовитое облако дыма.

Пожарники прибыли только через десять минут. Завывая сиренами, две громоздкие машины вырулили на площадь и помчались к горящему зданию. Еще несколько минут у спасателей ушли на то, чтобы развернуть брандспойты и занять позиции.

Здание не рухнуло. Оно было деревянным, но имело определенный запас прочности. Сохранились перекрытия, опоры, а вот стены выгорели почти полностью.

Не менее получаса потребовалось пожарным на то, чтобы сбить пламя. Запах гари стремительно распространялся по окрестностям. Подходили зеваки, не знавшие страшной сути этого дела, толпились в отдалении, оживленно обсуждали происшествие. Дескать, давно пора спалить это старье и построить что-нибудь новое.

Танцзал почти не выгорел, хотя стены сильно пострадали. Несущие элементы крыши сохранились, угрозы обрушения не было. Только через час у пожарных появилась возможность войти в обгоревшее здание.

К этому времени на площади собралась внушительная толпа. Полиция оцепила место происшествия, никого не пропускала без высочайшей санкции.

За кордонами теперь уже раздавались рыдания. Видимо, люди знали, что в сгоревшем здании находились их близкие. Кто-то ругался с милицией – почему им не дают пройти?

Подъехали несколько машин, в том числе с номерами СБУ. Полным издевательством в этом автопарке выглядели кареты «Скорой помощи». Кого тут спасать и лечить?!

Пожарные осторожно входили в здание. Обгоревшие конструкции пока держались. В холле выгорел пол, частично стены.

Самое страшное ожидало всех в танцевальном зале. Здесь никто не обгорел, пламя не успело сюда перекинуться, люди просто задохнулись. Их было около сорока человек.

Они лежали вповалку, кто как. Искореженные мукой лица – мужские, женские, вздувшиеся вены, выпученные глаза. Им нечем было дышать. Все отчетливо понимали, что сейчас умрут.

Пожарные бродили между телами, осторожно переступали через них, опускались на корточки, переворачивали тех, кто лежал ничком. В этой газовой камере не выжил никто. Люди умирали поодиночке, никому не нужные, всеми брошенные.

Лишь двое предпочли обняться перед кончиной. Седоволосый, но не старый мужчина лежал на боку, подогнув колени. Молодая женщина с изящной фигурой подползла к нему, обняла, прижала его голову к груди, да так и умерла. Она меланхолично смотрела в пространство. Ее красивые глаза затянула поволока.

– Боже правый, что же здесь произошло? – потрясенно пробормотал пожарный, побледневший, как призрак. – Невероятно!.. В это невозможно поверить.

А над площадью Достоинства уже взвился многоголосый вой. Люди роптали, все ожесточеннее ругались с милиционерами, стоявшими в оцеплении. Наконец-то горожанам удалось прорвать кордон, и они устремились к сгоревшему Дому культуры.

Глава 4

Орден, разумеется, капитану не дали, но о внеочередном отпуске начальство обещало похлопотать.

«Почему о внеочередном-то? – раздраженно думал Антон Горденко, покидая штаб части. – Уже очередной подкрадывается, а приятных новостей все нет».

Впрочем, в середине дня его опять вызвал командир отряда полковник Калашников, с торжественным видом протянул какую-то бумажку и заявил:

– Держи, капитан! Это приказ о твоём отпуске с завтрашнего дня. Десять дней. Больше, извини, не дам. Боевые задачи надо выполнять, знаешь ли. Так что забирай и катись на все четыре стороны, пока я не передумал. Можешь отпускные получить.

– А личный состав как же? – спросил Антон.

– Группа переводится на резервный режим несения службы, – ответил полковник и поморщился. – Это означает, что все получают пару дней отдыха, а за этим последует плотное проведение учебных занятий под руководством майора Антонова. Здесь не Украина, знаешь ли, в мирной стране живем. Твоим офицерам тоже предоставят отпуск... может быть. Если будут хорошо себя вести. Вопросы, капитан? Ждешь, пока я передумаю?

Антон откозырял и поспешил ретироваться.

Отряд спецназа дислоцировался на территории отдельного полка связи. Это была окраина Ростова. С одной стороны шумел ипподром, с другой возводился новый многоэтажный микрорайон.

К территории части примыкали несколько жилых пятиэтажек. В одной из них Антон и снимал однокомнатную квартиру. Он чувствовал себя дико уставшим и предпочел в такой тяжелый день не принимать эпохальных решений.

Капитан добрел до ближайшего магазина, купил кое-что по мелочи, поднялся в квартиру на пятом этаже, кивнул соседке, высунувшей нос. На что рассчитывает, непонятно. Напомаженная, зашпаклеванная, полгода не устает бросать на него призывные взгляды. Она ведь даже в присутствии Наташи подмигивала и поглядывала, хотя прекрасно должна была усвоить, какие женщины в его вкусе.

Он как потерянный блуждал по квартире, не зная, за что взяться. Обстановка в доме унылая, казенная. Полы давно протерлись, обои вспучились, на потолках в углу обозначилась паутина.

Украшал интерьер лишь огромный плюшевый медведь, разлегшийся на подоконнике – все, что осталось от Наташи, с которой они расстались три недели назад. Меланхолия до сих пор не проходила. Антон чувствовал щемящую грусть, когда смотрел на этого медведя.

Наташа была замечательной девушкой, служила связисткой в части. Ни семьи, ни детей – причем у обоих. Их роман был страстным, но недолгим. Он не мог ей дать ничего, кроме своей ужасной работы и скромной зарплаты. Временами капитан чувствовал, что и сама Наташа томится этой бесперспективной связью. Она по-прежнему приходила к нему, отмывала полы, боролась с грязью на кухне и в туалете. Да и ночами у них все было ладно, но он уже мысленно определил дату разрыва.

«Глупенькая, это для твоего же блага, – уговаривал Антон плачущую девушку. – Захачнешь ты со мной. А у тебя скоро контракт закончится, поедешь в Москву или Петербург. Тебе жить надо полной жизнью, а не мучиться с бедным офицером, не трястись каждое утро – вернется ли живой».

В последнюю ночь она льнула к нему, обнимала, плакала. Через день Наташа уволилась со службы и укатила в столицу нашей необъятной родины. Там она имела квартиру, пусть и ипотечную, но вполне достойную такой эффектной женщины.

Он мылся, что-то стирал, гладил, укладывал в сумку, хотя еще толком не знал, куда поедет. Но ехать надо, не сидеть же в четырех облезлых стенах!

Не мужское это дело – наведение порядка. Капитан уснул с веником в руке. Когда он очнулся, на улице было темным-темно, часы показывали двенадцатый час, а в дверь кто-то настойчиво барабанил. Он брел по квартире, как ежик по туману, гадая, неужели отпуск так быстро закончился?

– Сюрприз! – гаркнул командный голос за дверью. – Нас не ждут, а мы приперлись! – В квартиру с добродушными улыбками вторглись старший лейтенант Воронец и лейтенант Кабанов, одетые в гражданское, подозрительно сияющие, с пухлыми пакетами.

– Вам чего? – не понял Антон.

– Как чего? Гулять будем, – ответил Роман. – И думаю горькую думать, планы на отпуск строить. Ты в курсе, что нам с Шурой тоже дали волю, а мы, как назло, неженатые, ни семьи, ни детей, ни любовниц, ни дома толком. Поэтому проблема под названием «куда поехать» выглядит очень актуально. Пускай же нас скорее, что встал, как швейцар? Полночь скоро.

– А что у нас в полночь? – не понял Антон.

– Как что? Пятница превратится в субботу, – с усмешкой объяснил Воронец. – Знаменательное событие. Ладно, вы тут разбирайтесь, а мне некогда. – Он оттеснил Антона от двери и прыжками побежал в туалет.

– Ну у тебя и холодильник, командир! – Кабанов укоризненно покачал головой, изучив весьма скудное, какое-то унылое содержимое помянутого агрегата. – Ты вообще что-нибудь ешь?

– Зарплата у меня скромная, – объяснил Антон. – Бог не хочет, чтобы деньги меня испортили. Вы ведь с собой принесли, господа искушители? – Он кивнул на пакеты, в которых что-то многозначительно и рельефно очерчивалось.

– Да, конечно. – Кабанов с жутко деловым видом начал выгружать гуманитарную помощь. – Взяли чуток, так, по мелочи. Мы же не ходим в гости с пустыми руками. Это колбаса, теперь... снова колбаса, дальше бесплатный сыр, следом бутылка водки, за ней... вторая бутылка водки. И не смотри, командир, зверообразно. Их только две, сегодня можно. Что тут пить-то? Так, щекотка для мертвого. Или ты забыл, что мы уже две недели обет трезвости не нарушали?

– А это что? – Антон осторожно вскрыл пластиковый контейнер и поморщился.

– Салат из гадов, – объяснил Воронец, вернувшийся из туалета.

– Из каких гадов? – не понял Антон.

– Из морских. Таких же страшных, как американская помощь в урегулировании конфликтов. – Ромка засмеялся, но тут же нахмурился и спросил: – Ты знаешь, командир, что у тебя проблемы в сфере ЖКХ?

– Знаю. – Антон кивнул. – Унитаз работает, но не сегодня. Там ковшик есть специально для подобных случаев. И не хихикай. Я спецназовец, а не сантехник. Лучше сходи в ванную и руки помой. Только кран осторожно проворачивай, у него резьбу срывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.